

ПРИДВОРНОЕ ОБЩЕСТВО

Норберт Элиас

*Норберт
Элиас*

Придворное общество

Исследования по социологии
короля и придворной аристократии,
с Введением:
Социология и история

*Перевод с немецкого
А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона,
А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой,
А. К. Судакова*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2002

Издание выпущено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support of the Open Society
Institute within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:
Н. С. Автономова, Т. А. Алексеева, М. Л. Андреев, В. И. Бахмин,
М. А. Веденяпина, Е. Ю. Гениева, Ю. А. Кимелев, А. Я. Ливергант,
Б. Г. Капустин, Ф. Пинтер, А. В. Полетаев, И. М. Савельева,
Л. П. Репина, А. М. Руткевич, А. Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:
Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev, Vyacheslav
Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev,
Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter, Andrei Poletayev,
Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

Элиас Норберт

Э 46 Придворное общество: Исследования по социологии короля
и придворной аристократии, с Введением: Социология и исто-
рия / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона,
А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. — М.:
Языки славянской культуры, 2002. — 368 с. — (Studia
historica).

ISBN 5-94457-034-2

В книге видного немецкого социолога и историка середины XX века Норберта Элиаса на примере французского королевского двора XVII–XVIII вв. исследуется такой общественный институт, как «придворное общество» – совокупность короля, членов его семьи, приближенных и слуг, которые все вместе составляют единый механизм, функционирующий по строгим правилам. Автор показывает, как размеры и планировка жилища, темы и тон разговоров, распорядок дня и размеры расходов – эти и многие другие стороны жизни людей двора заданы, в отличие, например, от буржуазных слоев, не доходами, не родом занятий и не личными пристрастиями, а именно положением относительно королевской особы и стремлением сохранить и улучшить это положение.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историко-социологическими сюжетами.

На переплете: иллюстрации из книги А. Дюма «Людовик XIV и его век»

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России кроме издательства «Языки славянской культуры» имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-034-2

9 785944 570345 >

© А. П. Кухтенков, К. А. Левинсон,
А. М. Перлов, Е. А. Прудникова,
А. К. Судаков. Перевод на рус. яз., 2002

<i>Предисловие переводчиков</i>	6
I. Введение: Социология и история	10
II. Предварительные замечания к постановке проблемы	50
III. Структуры жилища как показатель общественных структур	56
IV. Об особенностях придворно-аристократической сети социальных связей	86
V. Этикет и церемониал: поведение и унастроение людей как проявления потестарных отношений в их обществе	100
VI. Скованность короля этикетом и возможностями обретения престижа	146
VII. Становление и эволюция придворного общества Франции как следствия смещения центров власти в обществе в целом	182
VIII. К социальному происхождению аристократической романтики в процессе перемещения знати к королевскому двору	264
IX. К социогенезу революции	328
<i>Приложение 1. О представлении, будто возможно государство без структурных конфликтов</i>	338
<i>Приложение 2. О позиции интенданта в большом придворно-аристократическом домохозяйстве: опыт уточнения хозяйственного этоса придворной аристократии</i>	346
<i>Именной указатель</i>	358
<i>Предметный указатель</i>	360

Предисловие переводчиков

Перевод книги Н. Элиаса «Придворное общество» представлял немалые трудности для коллектива переводчиков. Трудности эти связаны были как со стилистическими, так и с терминологическими ее особенностями.

Что касается авторского стиля Элиаса, то для него, как и вообще для немецкой научной прозы его времени, характерны сверхдлинные (по русским меркам) сложные предложения с обилием распространенных определений, придаточных и т. п. Эта синтаксическая и фразеологическая сложность знакома русским читателям научной литературы, но не приветствуется ими, поэтому при переводе многие наиболее трудные для восприятия фразы были разбиты на два или даже несколько отдельных предложений.

Другая черта, свойственная автору, – частое использование в тексте книги слов и выражений, которые употребительны в устном языке, где они имеют уже совершенно стертое значение и выполняют функцию «заполнителей пауз» в речи или являются просто «паразитами»: also, gewissermaßen, ein(e) ganz bestimmte(r) и др. Поскольку в письменном языке они употребляются гораздо реже и в основном в своих «словарных» значениях, у переводчика в первый момент складывается впечатление, что они нагружены смыслом и вставлены не случайно. Дальнейшее чтение показывает, однако, что это не так: в подавляющем большинстве случаев данные слова совершенно очевидно употребляются автором не ради целенаправленного уточнения высказывания, а по привычке речи. Поэтому там, где наличие или отсутствие всех этих «значит», «как бы» и «определенный» никак не влияло на смысл и понятность фразы, они опускались при переводе ради разгрузки и без того длинных и сложных для чтения предложений.

Некоторые метафоры, встречающиеся – однократно или постоянно – в немецком тексте книги Элиаса, представляются довольно сомнительными: «вершина поля», «баланс напряжений», «структура баланса», «многополюсный механизм» – список примеров можно было бы продолжить. Во многих случаях (разумеется, только когда это не наносило ущерба смыслу) переводчики постарались подыскать менее парадоксальные выражения – например «вершина пирамиды», «баланс сил». Но все равно читатель обнаружит в тексте немало физических, геометрических и прочих метафор, не согласующихся ни с привычными научными понятиями, ни с обыденными представлениями.

И наконец, еще одна черта стиля Элиаса, которая наверняка бросится в глаза читателю, – это многочисленные повторы. Повторы мыслей в разных главах можно оправдать стремлением закрепить сказанное или связать одну тему с другой. Но в немецком тексте книги являются скорее правилом, нежели исключением, случаи, когда одно и то же слово или словосочетание используется по несколько раз в предложении или абзаце. Это противоречит правилам хорошего литературного стиля в русском языке, поэтому при переводе по возможности использовались синонимы и в некоторых местах – там, где это не наносило ущерба содержанию, – конструкции были переформулированы так, чтобы избежать повторов. Однако полностью устранить их было невозможно.

С последней стилистической особенностью языка Элиаса соприкасаются и терминологические сложности, вставшие перед переводчиками. Замена повторяющегося слова различными синонимами не представляет большой проблемы, когда значение его от этого заведомо не изменится. Подобрать же синоним для термина, т. е. слова с четко определенным и более или менее узким значением, часто бывает невозможно. А в работе Элиаса положение дополнительно усугубляется терминологической непроясненностью: с одной стороны, автор регулярно использует слова, которые в произведениях других немецких историков, социологов и философов имеют более или менее устойчивые значения и используются в научной литературе как научные понятия именно с этими значениями: так, например, слова «Macht», «Herrschaft», «Zwang», «Gruppe» большинство читателей современной немецкой социологической и исторической литературы привычно понимают том в смысле, который они имеют у Макса Вебера. Элиас, однако, никак не оговаривает, в том же ли значении он их употребляет или в ином, своем (его очень сложное и дифференцированное отношение к понятийному инструментарию Вебера допускает различные предположения на этот счет). О значении этих слов приходилось всякий раз догадываться, исходя из общих соображений и из контекста. В такой ситуации одни из переводчиков предпочитали ориентироваться на утвердившиеся в русской научной литературе переводы этих слов (соответственно «власть», «господство», «принуждение», «группа»), другие – на собственное понимание их семантики (так, применительно к приведенным примерам возможными считались варианты соответственно «сила», «власть», «необходимость», «слой»).

С другой стороны, Элиас вводит – без всякого определения и обычно без комментариев – не встречающиеся у других известных авторов выражения, которые используются затем то на протяжении всей книги, то лишь в одной-двух главах. Их терминологический статус неясен, что опять же привело к некоторому разнобою в переводе: одни из переводчиков рассматривали их в качестве устойчивых понятий и последовательно переводили одними и теми же, придуманными в силу собственного разума, эквивалентами, что приводило к появлению не всегда внятных для русского читателя неологизмов. Другие же рассматривали их как «обычные» слова с более или менее широким, интуитивно понимаемым значением, исходя из которого переводили их свободно, сообразуясь с общим смыслом фразы.

Наиболее ярким примером такой терминологической непроясненности служит слово «Figuration». В немецком языке оно практически не используется. Элиас вводит его на первой же странице книги, без всякого определения или комментария, и толь-

ко в п. 11 Введения объясняет, с какой целью он использует именно это необычное слово, причем здесь он называет его «понятием» (Begriff). Нечто хотя бы отдаленно похожее на определение понятия «Figuration» появляется только в конце VI главы. В книге этому понятию принадлежит важнейшая концептуальная роль, поэтому при переводе особенно остро встала проблема, с одной стороны, обеспечения ясности, с другой – исключения неаутентичных интерпретаций, которые в условиях неопределенности термина могли произойти при поиске адекватной замены ему в русском языке. По своему содержанию слово «Figuration» у Элиаса в одних контекстах близко к понятиям «конфигурация», «структура», «устройство», в других – к понятиям «социальный институт» и «социальная система», в третьих – обозначает не столько структурный аспект отношений между людьми, сколько сам факт их принадлежности к некоторой общественной структуре. Поскольку от использования слова «система» в этом значении Элиас отказывается (см. п. 11, а также конец п. 9 Введения), а слово «институт» (Institut, Einrichtung) употребляет иначе, то были основания сохранить в русском переводе эту терминологическую новацию автора. Поэтому в большинстве глав встречается русский неологизм «фигурация». С другой стороны, часть переводчиков предпочли подобрать для этого слова более понятные и знакомые русскому читателю замены, и в результате в тексте встречаются такие переводы слова «Figuration», как «конфигурация», «общественное образование», «социальная структура», «социальная группа / группировка». Насколько можно судить по контексту, они не искажают авторской мысли.

Схожие проблемы доставило слово «Formation»: как правило, переводчики предпочитали перевод-кальку «формация», но в некоторых случаях желание уклониться от неизбежных для русского читателя марксистских коннотаций вынуждало в зависимости от контекста передавать «Formation» как «социальная группа» или «социальная структура», что более близко к смыслу Элиаса.

Слово «Zusammenhang» в силу своей терминологической непроясненности переводилось по-разному: оно имеет в одних случаях явно значение «взаимосвязь, взаимосвязанность», в других – «контекст», в третьих – «процесс», в четвертых – «группа, коллектив». Найти одно-единственное русское слово, которое объединяло бы в себе все эти значения, не представлялось возможным, поэтому подбирались разные слова с тем, чтобы обеспечить понимание фразы.

Специального комментария заслуживают понятия, связанные с королевским двором и несущие поэтому в книге о «придворном обществе» особую смысловую нагрузку. Так, в соответствии с замыслом своей работы, Элиас пользуется словами «Hof», «höfisch» или другими, однокоренными им, в несколько более широком и в то же время жестком значении, чем это предполагается за словами «двор» или «придворные» в быденном русском языке. «Придворное» общество обозначает не только определенную группу людей или ее качества, но и определенную стадию в развитии социума вообще. Поэтому в тексте встречаются такие непривычные словосочетания, как, например, «допридворное общество» (имея в виду как дворянские, так и недворянские социальные группировки, существовавшие до того, как французская знать покинула свои поместья и обосновалась в массе своей при дворе) или же «люди двора» (отличающиеся от «придворных» тем, что включают в себя людей необязательно только дворянского происхождения). Немало хлопот доставил переводчикам авторский неологизм

«Verhofung» – слово, единого адекватного перевода на русский не имеющее. В зависимости от ситуации оно переводилось как «перемещение ко двору», «укоренение при дворе», «превращение дворян в придворных» и т. п.

Некоторые из сложносоставных слов и словосочетаний, постоянно встречающихся в книге Элиаса, переводились везде одинаково (или с минимальными вариациями), но были при переводе «усечены». Так, слово «berufsbürgerlich», используемое наряду с просто «bürgerlich», а местами и гораздо чаще последнего, переводчикам представлялось невозможным перевести на русский словосочетанием «профессионально-буржуазный», ибо оно двусмысленно, поэтому оно везде переведено как «буржуазный». Существительное «Berufsbürgertum» во избежание той же двусмысленности переведено не «профессиональная буржуазия», а либо просто «буржуазия», либо – там, где важно отличие этого слоя от не имеющей профессии и не зарабатывающей себе на жизнь придворной знати, – «буржуазия, занятая профессиональной деятельностью / профессиональным трудом». В тех случаях, где важно отличие между буржуа по сословной принадлежности и буржуа по образу жизни, оно передается с помощью описательных конструкций.

Сложносоставные слова «Staatsgesellschaft» и «Gesellschaftsverband» переводились по-разному в зависимости от контекста – первое чаще всего «общество», иногда «государство», второе – «общество» или «сообщество». В отличие от того, что можно было бы предположить при взгляде на эти слова вне контекста, значение их, по мнению переводчиков, не уточняется за счет двух корней, и переводы «государственное общество» или «общество-государство» и «общественный союз» или «общественное объединение» несколько не облегчили бы понимание авторской мысли.

В немецком тексте приводятся многочисленные цитаты из «Энциклопедии» Дидро, воспоминаний Лабрюйера, записок Сен-Симона и других французских источников на языке оригинала. В настоящем издании все они переведены на русский язык или даны в переводах по существующим русским изданиям, если те вполне соответствовали целям цитирования, т. е. содержали именно те слова и формулировки, на которые обращал внимание читателя Элиас. Французские тексты этих пассажей приведены в примечаниях или (когда это отдельные слова или короткие фразы) – в тексте, в скобках после перевода. При этом сохранена орфография Элиаса; сверка цитируемых отрывков с французскими оригиналами была невозможна по соображениям времени, тем более что многие ссылки неполны. По этой же причине все ссылки в книге приводятся в том виде, как они даны в оригинальном издании.

В целом и в частностях перевод представляет собой компромисс между требованием без искажений передать сложные авторские высказывания и стремлением сделать их понятными и удобоваримыми для русской читательской аудитории. Переводчики смеют надеяться, что первое они в меру своих знаний и способностей обеспечили. Насколько удалось второе – судить читателям.

I. Введение: Социология и история

1. Двор правителя в государствах эпохи «старого порядка» (*ancien régime*) и то своеобычное социальное образование, которое возникало при каждом таком дворе – придворное общество, – представляют собой богатое поприще для социологических исследований. В абсолютных монархиях, где роль сословно-представительных учреждений в управлении была сведена к минимуму, двор монарха соединял в себе, как и на более ранних этапах развития государства, когда централизация еще не достигла такой степени, функцию домохозяйства всей августейшей семьи с функцией центрального органа государственной администрации, с функцией правительства. Личные и профессиональные задачи и отношения высших лиц государства еще не были так строго и недвусмысленно разделены и специализированы, как позднее в индустриальных национальных государствах. В последних органы общественного контроля – парламенты, пресса, суды, конкурирующие в публичной политике партии – во все большей степени вынуждают произвести относительно строгое разделение личных и служебных дел, и это касается даже самых могущественных персон в государстве. В династических же монархиях с их придворными элитами обычным делом было более или менее ярко проявленное единство дел личных и служебных или профессиональных, а мысль о том, что их можно или нужно разделять, возникала лишь эпизодически и в зачаточной форме. Такое разделение не диктовалось общепринятым служебным или профессиональным этосом, а возникало в лучшем случае из чувства личной обязанности более могущественному человеку либо из страха перед ним. Семейные отношения (привязанность или соперничество), личная дружба и личная вражда были в числе обычных факторов, влиявших на правительственные и прочие официальные дела. Поэтому социологические исследования придворного общества с определенной стороны проливают свет на раннюю стадию развития европейских государств.

II. Предварительные замечания к постановке проблемы

1. Королевский двор эпохи старого порядка ставит не меньше проблем перед социологом, чем любое из многих других социальных образований, которые – как, например, феодальное общество или крупный город – уже удостоились обстоятельного социологического исследования. В фигурации «двора» сотни, а часто многие тысячи людей были собраны в одном месте, чтобы услуживать, давать советы и составлять общество королям, которые были уверены, что неограниченно правят своей страной, и от воли которых в определенной мере и степени зависела судьба всех этих людей, их ранг, их содержание, их восхождение и падение. Люди двора были связаны между собой своеобразными формами принуждения, которое они и посторонние оказывали друг на друга и одновременно сами на себя. Их связывала между собой более или менее строгая иерархия и четкий этикет. Необходимость утвердиться и реализовать себя среди такой фигурации налагала на всех своеобразный отпечаток – печать человека двора. Какова была структура социального поля, в центре которого могла сформироваться подобная фигурация? Какое распределение власти, какие общественно воспитанные потребности, какие отношения зависимости приводили к тому, что люди в этом социальном поле на протяжении многих поколений снова и снова оказывались вместе в этой фигурации – а именно как двор, как придворное общество? Какие требования предъявляла структура придворного общества к тем, кто хотел бы выдвинуться или хотя бы просто утвердиться в нем? Так выглядят в общих чертах некоторые вопросы, которые ставит такое социальное образование, как «двор» и «придворное общество» эпохи *ancien régime*, перед социологом.

2. Ведь не просто свободная воля придворных людей собрала и удерживала их при дворе и вслед за отцами и матерями объединяла таким образом их сыновей и дочерей. И не гениальная идея одного-единственного человека – скажем, короля – придала этому человеческому коллективу такую форму. Почти во всех европейских странах, начиная с эпохи Возрождения, зна-

чение двора нарастало все более заметно, и если даже для *внешнего оформления* европейских дворов XVII и XVIII веков образцом стал в значительной мере французский двор, прежде всего двор Людовика XIV, то сам «двор» этого столетия был выражением определенной общественной констелляции тесно связанных друг с другом людей и так же точно не был следствием плана, желания, намерения какого-нибудь одного человека или отдельной группы людей, как какие-нибудь другие типичные фигурации – например, церковь, город, фабрика или бюрократия. А потому, как невозможно понять, к примеру, структуру нашего собственного западного общества и национальных обществ, на которые оно подразделяется, не исследовав, скажем, того процесса, в ходе которого из социального поля выкристаллизовывалось все большее множество людей в форме «крупных городов», – так же точно невозможно понять и предшествующую эпоху, не выяснив себе, исходя из характерного для нее строения общества, что именно порождало в ней «двор»: что, иными словами, вновь и вновь побуждало людей из этого социального поля соединяться в фигурацию двора и придворного общества и удерживало их в ней.

3. В пределах каждого социального поля есть репрезентативные и менее репрезентативные, центральные и не столь центральные органы. Город, к примеру, – прежде всего крупный город – это один из самых репрезентативных органов нашего собственного общества. В нашем социальном поле он представляет собою как бы кузницу, обслуживающую самую большую округу; под его воздействие и влияние не могут не подпасть, несмотря на все их сопротивление, даже обитатели сельских районов. Определяющие, образцовые и влиятельнейшие человеческие типы нашего общества либо происходят из города, либо, по меньшей мере, прошли перековку в городской кузнице. В этом смысле городские люди репрезентативны для нашего общества. «Королевский двор» как особый орган в городе еще имеет в Западной Европе – там, где он еще существует, то есть прежде всего в Англии, – несомненно, некоторое значение, поскольку он видоизменяет облик города; но едва ли он на сегодняшний день может считаться репрезентативным, как сам город, для социального поля современного западного мира.

Именно это репрезентативное и центральное значение двор имел для большинства западноевропейских стран XVII и XVIII веков. В эту эпоху еще не «город», а «двор» и придворное общество накладывали свой отпечаток на всех и вся в самом широком радиусе. Город был, как говорили тогда, лишь «обезьяной» двора¹. Это особенно относится к французскому дво-

¹ См. об этом «Tableau du Siècle» par un auteur connu (Saint-Cyr), Genf 1759, S. 132 «Город – это, как говорят, обезьяна двора» (La Ville est, dit-on, le singe de la Cour).

ру². Отголоски враждебного отношения буржуазии к королевскому двору и к людям, сформированным придворной жизнью, как мы уже упоминали во введении, по сей день зачастую мешают ученым увидеть репрезентативное значение дворов и придворного общества в предшествующие века и мешают исследовать их структуру без раздражения и неприязни, мешают наблюдать их функционирование как объекта, который настолько же мало доступен для упреков и обвинений, как «деревня», «город», «фабрика», «орда», «цех» или какая-нибудь другая фигурация людей.

Характерным примером подобного темпераментного воззрения на «двор» является взгляд Франца Оппенгеймера, который следует процитировать здесь, потому что он отражает широко распространенное и типичное суждение о дворе эпохи *ancien régime*³: «Докапиталистические, очень роскошные и очень расточительные придворные хозяйства – прежде всего двор английских Стюартов и французских Бурбонов, но в меньшей степени также дворы немецких и славянских династий – благодаря огромным принадлежащим им государственным землям и текущим с этих земель натуральным подавкам их “коронных крестьян” были с избытком обеспечены всеми средствами грубого довольства. Но они жаждали средств удовлетворения утонченного вкуса и извращенной роскоши и потому были заинтересованы в том, чтобы, во-первых, способствовать укреплению ремесленного производства в самой стране, а во-вторых, получать наличные деньги, которые употреблялись для поддержания самого двора в его рафинированной роскоши, для прокормления знатных паразитов, не имевших иного источника средств к существованию, кроме пенсий, и не в последнюю очередь для ведения бесконечных войн, в которые вовлекали государства жажда воинской славы, династические фамильные интересы и конфессиональные предрассудки».

Вот то существенное, что Оппенгеймер в своей работе, которая претендует на описание всех социальных форм, видит в «дворе» как социальном образовании. Это суждение, собственно, не содержит ничего ошибочного в том, что касается фактов, относящихся к Франции, – если не считать постав-

² Смысл понятия «двор» изменяется в зависимости от эпохи, о которой идет речь. Здесь и далее в тексте оно, как и производное прилагательное «придворный», относится, соответственно словоупотреблению самой изучаемой эпохи, к двору правителя. Если бы, впрочем, речь шла здесь в первую очередь не о Франции, а о Германии, то нужно было бы ввести одно характерное ограничение. Дело в том, что здесь, прежде всего на западе Германии, домовладения не столь высокой знати – например, графов – тоже имеют порою в некоторых отношениях характер, подобный «двору»; а поскольку в Германии не вся власть сосредоточивается в *одном* монаршем дворе, то и эти *мелко-придворные* образования, вплоть до двора владетельного сельского дворянина, имеют здесь совершенно иное социальное и культурное значение, чем аналогичные образования во Франции.

³ См. *System der Soziologie*, Bd. III, 2, I. Jena 1924, S. 922.

ляющих натуральный оброк коронных крестьян как первостепенной основы королевского двора Бурбонов⁴, – но та точка зрения, которой обусловлены суждения об этих фактах и их оценка, совершенно не позволяет увидеть то целостное явление, к которому эти факты относятся и исходя из которого их следует понимать.

Макс Вебер видел несколько дальше, когда говорил: «Роскошь» в смысле отказа от целерациональной ориентации потребления есть для феодального слоя господ не «излишество», но одно из средств его социального самоутверждения»⁵.

Но этим кратким замечанием Макс Вебер всего лишь указал на одну из проблем двора. Проверить правильность его взгляда и на несколько шагов приблизиться к решению поставленной им проблемы – одна из задач данного исследования.

4. Люди бывают склонны обращать внимание как на важные прежде всего на те феномены прошлого, которые играют особенно значительную роль в настоящем. Так, применительно к эпохе дворов, о которой здесь будет идти речь, часто интересуются в первую очередь экономическими воззрениями и организацией хозяйства и, соответственно, называют ее эпохой меркантилизма. Или задаются вопросом об организации государства в эту эпоху и при таком подходе к ней называют ее эпохой абсолютизма. Изучают присущий ей тип господства и характер ее чиновничества и с этой точки зрения называют ее эпохой патримониализма. Как видим, все это уровни интеграции, которые имеют особенно важное значение в нашем собственном обществе. Но затронет ли в самом деле срез, сделанный именно по этим уровням, также и решающие структурные линии и формы интеграции той прошедшей эпохи? Или, может быть, дело скорее обстоит так, что значимость уровней интеграции и форм социации изменчива, так что уровень интеграции, не особенно значимый для нас сегодняшних, в прежнее время был, возмож-

⁴ В эпоху первых Бурбонов доход от государственных земель сравнительно с доходом из других источников, прежде всего от сбора налогов, уже играл лишь весьма незначительную роль в поддержании королевского хозяйства. Обширные части прежних государственных земель были проданы королями в эпоху войн и бедствий XVI, даже уже XV века. Сюлли, а вслед за ним Ришелье часто сетовали на это. Оба они тщетно старались выкупить земли королевского домена обратно. См. *Marion, Dictionnaire des Institution du XVIIème et XVIIIème Siècle*, Paris 1923, статья «Domaine».

⁵ См. *Max Weber, «Wirtschaft und Gesellschaft»*, Tübingen 1922, S. 750. Его подход к проблеме – а это, пожалуй, не более чем подход – идет дальше, чем концепция Торстейна Веблена, которому принадлежит та заслуга, что в своей книге «Теория праздного класса» (*Veblen, Th. Theory of the Leisure Class*, 1895) он – вероятно, первым – рассмотрел проблемы статусного потребления как проблемы социологические.

но, решающим, центральным слоем – и, напротив, слой, сегодня центральный, прежде был периферийным?

Макс Вебер производит срез государства старого порядка прежде всего на уровне чиновничества; и потому феномен двора всегда заслоняется для него этим другим феноменом – чиновничества и способа господства, выражающегося в различных типах чиновничества. Таким образом, Вебер приводит много фактов и деталей, которые проливают свет на структуру придворного господства и придворного общества; но среди тех типов обобществления, о которых он эксплицитно говорит, «двор» как таковой отсутствует⁶.

5. Вообще же если в наши дни двор непосредственно как социальный феномен попадает в поле зрения исследователей, то, как правило, их интересует прежде всего одна его сторона: роскошь двора, т. е. феномен, который сам по себе весьма важен и характерен, но который, однако, высвечивает лишь особенно явно выступающее различие между поведением придворного человека и поведением, принятым в обществе нашего времени, а не социальную структуру двора как целого, которая только и может объяснить нам этот частный феномен роскоши.

Иначе говоря, если сегодня исследователям уже удастся порою и хотя бы в известных пределах изучить, например, организацию простого племени как живущей по своим законам фигурации людей, сдерживая в значительной мере собственные оценки, то соблюсти подобную же благотворную отстраненность в отношении более близких нам, расцениваемых нами как «исторические» социальных образований оказывается еще намного труднее – именно потому, что господствующая форма исторической науки все еще сохраняет прежнее почтение к гетерономным оценкам.

Эту констатацию нужно понять правильно. Она не заключает в себе, в свою очередь, какого-либо «упрека», но только описывает с определенной стороны имманентную структуру процесса исследования, в ходе которого предмет исследования – объект, о котором речь идет также и здесь, – лишь очень медленно и в борьбе с неизбежным сопротивлением раскрывается перед взглядом исследователя в своей автономности.

Кроме того, подобный взгляд на проблему, без сомнения, не обязательно окажется бесплодным. Зомбарт, например, для которого феномен двора как «очага роскоши» имеет значение в связи с возникновением современного капитализма, уже формулирует в первом приближении, и четче других, проблему двора вообще. Раздел, который посвящен у него прежде всего дворам, оза-

⁶ В предметном указателе к «Хозяйству и обществу» у него тоже упоминается только относящееся совсем к иной эпохе «придворное право».

главлен: «Дворы правителей как средоточие демонстративной роскоши»⁷; он начинается со следующих положений:

«Важным последствием, а затем, в свою очередь, также и решающей причиной тех перемен, которые претерпевают государственный строй и военное дело в конце средних веков, является возникновение крупных монарших дворов в том смысле, который мы придаем этому слову сегодня. Предшественниками и образцами для позднейшего развития были здесь, как и во многих других областях, церковные феодалы. Авиньон был, может быть, первым современным “двором”, потому что здесь впервые на длительное время встречались и задавали тон две группы людей, составлявшие в последующие столетия то, что называли придворным обществом: дворяне, не имевшие иной профессии, кроме интереса службы двору, и прекрасные женщины, “зачастую отличавшиеся изысканными манерами и умом” (*souvent distinguées par les manières et l’esprit*), которые накладывали решающий отпечаток на жизнь и события при дворе.

С дворами пап соперничали прочие владетельные семьи Италии. Но решающее значение для истории придворного быта имело все-таки формирование современного двора в столь обширнейшей и могущественнейшей державе, как Франция, которая ведь и стала затем, с конца XVI века и на два последующих столетия неоспоримой наставницей во всем, что касалось придворной жизни».

Этот краткий обзор, весьма полезный и для целей нашей работы, дает понятие о том, какое значение имело социальное образование «двор» и как стоит проблема: на определенной стадии развития европейских обществ индивидуы соединяются в социальной форме «дворов» и получают благодаря ей специфический облик. Что удерживало их вместе, что налагало на них такую печать?

Этот тип формирования человека был одним из важнейших предшественников типа, господствующего сегодня. Будучи центральной фигурацией той стадии развития, которая в длительной борьбе внезапно или постепенно сменилась буржуазно-профессиональной, индустриально-городской стадией, придворно-аристократическое общество создало цивилизационный и культурный тип, который вошел в тип, характерный для буржуазно-профессионального общества: одни черты его были унаследованы, другие перешли в свою противоположность. Таким образом, в снятом виде он получил дальнейшее развитие. Стремясь изучить структуру придворного общества и понять тем самым одну из последних великих небуржуазных фигураций западной культуры, мы поэтому косвенно открываем себе доступ к более широкому пониманию нашего собственного буржуазно-профессионального, индустриально-городского общества.

⁷ W. Sombart, *Der moderne Kapitalismus*, 5. Aufl. Mchn. u. Lpzg. Bd. I, 2, S. 720/21.

III. Структуры жилища как показатель общественных структур

1. То, что мы обозначаем как «двор» эпохи *ancien régime*, есть изначально не что иное, как чрезвычайно разросшийся дом и домохозяйство французских королей и членов их семейства со всеми принадлежащими к нему в узком или широком смысле людьми. Расходы на содержание двора, на все это громадное домохозяйство королей находятся в смете расходов всего французского королевства под характерной рубрикой «*Maisons Royales*»¹. Важно иметь это в виду с самого начала, чтобы увидеть линию развития, которая приводит к такой организации королевского домохозяйства. Этот двор эпохи старого порядка был сильно дифференцированным потомком той патриархальной формы господства, «зачаток которой следует искать в авторитете домохозяина в пределах домашней общности»².

Короли распоряжались своими дворами как домохозяева, и этому соответствовал патримониальный характер придворного государства, т. е. такого государства, центральный орган которого составляет домохозяйство короля в широком смысле этого слова, т. е. «двор».

«Там, где правитель, – говорит Макс Вебер³, – организует свою политическую власть ... принципиально так же, как и осуществление своей власти в доме, там мы говорим о патримониально-государственном образовании. Большая часть всех великих континентальных империй вплоть до самого Нового времени и в Новое время также имели еще достаточно отчетливый патримониальный характер.

Патримониальная администрация изначально приспособлена к сугубо личным, преимущественно частным домашним потребностям власти-

¹ «Королевские дома». См. *B. Forbonnais, Recherches et considerations sur les finances de France*, 6 Bde., Liège 1758, где перепечатано множество этих смет.

² *M. Weber, W. u. G.*, S. 679.

³ *W. u. G.*, S. 684.

теля. Обретение “политического” господства, т. е. господство одного домохозяина над другими⁴, не подчиненными его домашней власти, означает присоединение к власти домохозяина отношений господства, отличных от нее, в социологическом отношении, лишь по степени и содержанию, но не по структуре».

Приведенное выше обозначение двора как «репрезентативного органа» в социальном поле ancien régime следует понимать также и с этой стороны. Власть короля над страной была не чем иным, как продолжением и расширением его власти над домом и двором. В правление Людовика XIV достигли своей кульминации и одновременно поворотного пункта усилия короля, направленные на то, чтобы организовать свою страну как свое личное владение, как продолжение дворцового хозяйства. Это можно понять, только если мы вспомним, что для Людовика – и для него, может быть, в большей мере, чем для тех королей, которые еще сражались лично во главе своего войска против своих врагов, – двор всегда представлял собою первичную и непосредственную сферу деятельности, а страна – лишь вторичную и косвенную.

Сквозь придворный фильтр должно было пройти все, что прибывало из королевского владения в широком смысле, из королевства, прежде чем достичь короля; через фильтр двора должно было пройти все исходящее от короля, прежде чем попадало в страну. Даже самый абсолютный король воздействовал на свою страну лишь через посредство живущих при дворе людей. Таким образом, двор и придворная жизнь были местом, откуда неограниченные в своей власти короли эпохи старого порядка получали весь свой жизненный опыт, свое представление о людях и о мире. Поэтому социология двора оказывается в то же время социологией королевской власти.

⁴ В полном соответствии этой формулировке Макса Вебера, хотя, возможно, и немного чересчур обобщая, говорит, например, *M. u. Boehn*, Frankreich im 18. Jahrhundert, Bln. o. D. S. 46: «Каждый француз видел в своем короле главу своего собственного семейства... В среде знати и высшего чиновничества не могли заключаться никакие браки без предварительного согласия короля. Король мог даже заключать браки без – и даже против – воли родителей. Его воли в подобных случаях было достаточно, чтобы сделать невозможным всякое сопротивление». «Каждый, – пишет Ретиф де ла Бретонн незадолго до революции, – смотрит на короля как на совершенно личного знакомого». См. также *La Bruyère, les Caractères, Du souverain ou de la république*: «Назвать короля “отцом народа” значит не столько восхвалять его, сколько назвать его своим именем или дать ему определение» (Nommer un roi «père du peuple» est moins faire son éloge que l'appeler par son nom ou faire sa définition). Хорошо правит тот король ... «который делает из двора и даже из всего королевства как бы одну семью, полностью объединенную под властью одного хозяина» (qui fait d'une cour, et même de tout un Royaume, comme une seule famille unie parfaitement sous un même chef).

Разумеется, эта первостепенная сфера действия королей – двор – не могла остаться незатронутой постепенным расширением и растущим размером сферы королевского господства. В результате этого процесса перед королем-домохозяином встала необходимость править из своего дома и через посредство своего домашнего и дворового хозяйства всей большой страной, и она оказывала, понятно, преобразующее воздействие на это дворовое хозяйство, на сам «Maison du Roi»⁵. Самый заметный продукт этого взаимовлияния размеров страны и размеров королевского дворового хозяйства – это дворец, это Версальский двор, в котором самые глубокие действия короля всегда имели церемониальный характер государственных актов, а вне его каждый государственный акт приобретал характер личного действия короля.

2. Не все социальные объединения или формы интеграции людей являются одновременно жилыми или жилищными единицами. Но все эти формы можно характеризовать определенными типами организации пространства. Ведь они всегда бывают объединениями взаимно соотнесенных, друг с другом связанных *людей*; и даже при том, что характер или тип этих отношений конечно же никогда не могут быть выражены до последней и существенной детали в пространственных категориях, их все же всегда можно выразить *также и* в пространственных категориях. Ибо каждому виду «совместного пребывания» людей соответствует определенная организация пространства, в котором входящие в то или иное объединение люди – пусть не все сразу, но, по крайней мере,

⁵ «Дом короля». Чтобы уже здесь дать общее представление об этом процессе, о котором мы еще будем говорить подробнее, процитируем одну статью Мармонтеля (Энциклопедия, ст. «Grands»), который резюмирует его следующим образом: «Франция когда-то сформировала очень плохую федеративную государственную систему, лишенную единства и постоянно враждующую с самой собой. Начиная с Людовика XI все эти отдельные государства были объединены в единое целое. Но крупные вассалы сохраняли еще в своих доменах власть, которую имели в эпоху своих первых сюзеренов, а губернаторы, занявшие место этих сюзеренов, присвоили себе власть. Эти две группы создавали препятствия для королевской власти, которые необходимо было преодолеть. Наиболее мягким и потому наиболее мудрым средством было привлечь ко двору тех, кто, находясь в отдалении... и среди народа, привыкшего им подчиняться, стали казаться такими грозными» (La France formoit autrefois un gouvernement fédératif très-mal, combiné et sans cesse en guerre avec lui-même. Depuis Louis XI., tous ces co-états avoient été réuni en un. Mais les grands vassaux conservoient encore dans leurs domaines l'autorité qu'ils avoient eue sous leurs premiers souverains, et les gouverneurs qui avoient pris la place de ces souverains, s'en attribuoient la puissance. Les deux partis oppoioient a l'autorité du monarque des obstacles qu'il falloit vaincre; le moyen le plus doux et par consequent le plus sage étoit d'attirer a la cour ceux qui dans l'éloignement ... et au milieu des peuples accoutumés a leur obéir s'étoient rendus si redoutables).

частями – действительно пребывают или могут пребывать совместно. А потому и отражение социального объединения в пространстве, свойственный ему тип организации пространства есть наглядная и – в буквальном смысле слова – зримая репрезентация его своеобразия. В этом смысле жилищные условия людей двора дают нам верное и в высшей степени наглядное представление об общественных отношениях, характерных для придворного общества.

Расселение придворных характеризуется прежде всего тем, что все они или, по крайней мере, значительная часть их имели одновременно квартиру в доме короля – в Версальском дворце – и особняк (*hôtel*) в городе Париже. Загородные дома, которые также имелись у большинства, мы можем в данной связи не принимать во внимание.

Версальский дворец – основное вместилище французского двора, местожительство придворной знати и короля – нельзя рассматривать и понять сам по себе. Он образует кульминационный феномен иерархически структурированного во всех своих проявлениях общества. Нужно видеть, как живет придворная знать у себя дома, чтобы понять, как живет король и его знать при нем. Городские дома знати (*hôtels*) показывают нам в относительно ясной и простой форме социологически значимые жилищные потребности этого общества. Они же, только умноженные, взаимопереплетенные и дополнительно усложненные особыми потестарными и представительскими функциями королей, определяют одновременно и облик королевского дворца, помещающего в себе придворное общество как целое.

3. Здание, в котором проживала придворная знать, *ancien régime*, называлось в зависимости от ранга обладателя и, соответственно, от своей величины «особняком» (*hôtel*) или «дворцом» (*palais*). В Энциклопедии⁶ воспроизведен план подобного особняка⁷. Пояснения Энциклопедии к нему и отдельные статьи дополняют представление о функциях отдельных его частей и помещений. Что в них значимо для социолога?

Мы видим перед собою здание, части которого сгруппированы вокруг большого прямоугольного двора. В торце, граничащем с улицей,

⁶ *Diderot et D'Alembert, Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences etc.* Мы цитируем здесь и далее по Женевскому изданию 1777 г. и сл. Далее ссылки на Энциклопедию обозначаются сокращенно «Енс.» с указанием названия статьи «Арт.» – *Прим. перев.*

⁷ *Enc. Recueil des Planches Bd. 2, Abt. Architektur*, таблица 23. Представленный там план составлен Блонделем, королевским архитектором. Конечно, не все дома XVIII века соответствовали в частности этому плану, однако подобный план, воспринимавшийся как образец, полезен для нас: он показывает, как представляет себе опытный архитектор оптимальное строительное решение для подобных жилищных потребностей.